

Приручить айсберга

Роман Тихонов

18+

Роман Тихонов

Приручить айсберг

<https://litres.ru/74056836>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла за мечтой. Её «Стеклянный айсберг» должен был стать её триумфом. Но на пути встал человек, который не верит в красивые слова. Только в бетон, сталь и факты. А она верит — в чудо, в любовь, в то, что даже айсберг можно растопить. Их история — о том, как упорство и тепло одной женщины оказалось сильнее многолетнего льда.

Содержание

I	4
II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роман Тихонов

Приручить айсберг

I

Город задыхался от июльского зноя. Стеклянные небоскрёбы отражали раскалённое солнце, превращая улицы в печи. Но в конференц-зале на сорок четвёртом этаже было прохладно, почти стерильно, и пахло дорогим деревом и бумагой.

Ева поправила жакет — строгий, тёмно-синий, сидящий как вторая кожа. Она знала, что выглядит безупречно. Каждая складка, каждый миллиметр макияжа были выверены, чтобы никто не посмел усомниться: перед ними профессионал. Не дочь известного архитектора, не «девочка с папиным дипломом», а человек, который сам придумал это здание и готов вдохнуть в него жизнь.

Она смотрела на голограмму, парящую над столом переговоров. «Стеклянный Айсберг» — её детище, её победа, её шанс выйти из тени. Плавные линии, изломы, свет, проходящий сквозь стены. Идеально. Она вложила в это три года жизни.

Но все её внутренние монологи разбились вдребезги, когда в комнату вошёл он.

Виктор.

Она знала о нём только по досье: тридцать девять, про-
раб высшего класса, специализация — сложные металлокон-
струкции. Был женат, разведён, детей нет. В графе «харак-
теристика» стояло: «жёсткий, бескомпромиссный, своё мне-
ние ставит выше чужого».

Ева сразу поняла, что это правда.

Он не поздоровался. Не улыбнулся. Просто прошёл к сво-
бодному креслу, сел, даже не взглянув на неё, и уставился
в планшет. Крупные руки с обветренной кожей, короткий
ёжик седых волос на висках, резкая линия скул. От него пах-
ло не одеколоном — пылью и потом, он явно пришёл прямо
с объекта. И этот запах, неуместный среди белого мрамора
и кондиционеров, почему-то заставил её внутренне сжаться.

Заказчик — пожилой, добродушный мужчина — начал
встречу с общих слов. Ева слушала вполуха, потому что
чувствовала на себе взгляд. Точнее, его отсутствие. Виктор
смотрел сквозь неё, в голограмму, и его губы кривились в
едва заметной усмешке.

Потом настала её очередь.

Она говорила чётко, уверенно, ведя указкой по виртуаль-
ным линиям. Объясняла спиральные формы, распределение
нагрузки, уникальные стеклопакеты. Каждое слово было вы-
верено. Она ждала вопросов, похвалы, хотя бы кивка.

Вместо этого Виктор поднял голову и произнёс одно сло-
во:

— Бред.

Тишина стала вакуумной.

Ева почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она никогда не краснела на публике. Никогда. Но сейчас её предало собственное тело.

— Простите? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. Теперь он смотрел на неё в упор, и в его глазах — цвета мокрого асфальта — не было ни тени сомнения.

— Я сказал — бред. Это не здание. Это ребус. Вы нарисовали красивую картинку... — он нарочно замялся, будто забыл её имя, хотя она чётко представилась в начале, — Ева. Но постройте это. Попробуйте. Спираль с допуском в ноль целых пять десятых миллиметра при наших ветрах? Стекло в таких объёмах, которое начнёт ходить ходуном на пятом этаже? Я строю для людей, которые должны жить в этих стенах, а не любоваться ими с картинки.

Она сжала пульт так, что побелели костяшки.

— У меня есть все расчёты, — ответила она, чувствуя, как внутри закипает ярость, смешанная с унижением. — Я могу прислать вам полную спецификацию. Технология существует, её применяют в Сингапуре и Дубае.

— В Сингапуре нет таких ураганов, как у нас, — отрезал он. — И нет таких прорабов, которые согласятся хоронить свою репутацию ради чьего-то архитектурного самолюбия.

Он сказал это с таким ледяным спокойствием, что Ева на мгновение потеряла дар речи. Он не спорил — он приговаривал. Приговаривал её к провалу.

Она посмотрела на заказчика. Тот мялся, переводил взгляд с неё на Виктора. В воздухе повисла тяжесть.

И тогда Ева сделала то, что умела лучше всего — она перестала бояться.

Она поднялась из-за стола, прошла к голограмме и коснулась рукой виртуальной колонны, словно пытаясь дотронуться до своей мечты.

— Виктор, — сказала она, и имя прозвучало как вызов, — вы правы. Это сложно. Это невозможно с точки зрения стандартного подхода. Но именно поэтому я здесь. Это не типовые коробки. Я создала место, благодаря которому будут помнить нас через сто лет. Если вы боитесь, что не справитесь, — скажите прямо. Я найду другого прораба. Но я не переделаю проект.

Она повернулась к заказчику и улыбнулась той улыбкой, которая всегда помогала ей побеждать в спорах с отцом.

— Я ручаюсь за каждый миллиметр. Если здание рухнет — я рухну вместе с ним. Но оно не рухнет.

Заказчик кашлянул в кулак и посмотрел на Виктора.

— Виктор, мы подписываем контракт на её условиях. Ты берёшься?

Наступила долгая, тягучая пауза.

Виктор медленно поднялся. Он был выше неё почти на

голову, и когда он приблизился, Ева почувствовала жар его тела и запах. Он посмотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то странное — не злость, а скорее... интерес? Удивление? Как будто он впервые увидел в ней не картинку, а живого человека.

— Я возьмусь, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Но при условии, архитектор. Я хочу, чтобы ты видела каждую трещину, каждую ошибку. И когда твой «Айсберг» начнёт таять, ты сама попросишь меня переделать чертежи.

Он развернулся и вышел, не прощаясь. Дверь за ним хлопнулась, и в комнате снова стало тихо.

Ева осталась стоять у голограммы, чувствуя, как дрожат пальцы. Она победила. Контракт подписан.

Но почему-то в груди поселился холод, смешанный с каким-то странным, запретным волнением. Она представила его руки — грубые, сильные — и почему-то подумала о том, каково это — оказаться в этих руках.

Она отогнала эту мысль.

Ева приехала на объект через две недели после подписания контракта. Она нарочно выждала паузу, чтобы не казаться слишком навязчивой, но каждая минута бездействия жгла изнутри. Проект был её ребёнком, и мысль о том, что его воплощают в жизнь без неё, казалась почти изменой.

На ней снова был строгий костюм — на этот раз пепельно-серый, с узкой юбкой чуть выше колена. Волосы стянуты

в тугой пучок. Шпильки, конечно. Других туфель у неё просто не существовало.

Она вышла из машины и сразу попала в другой мир. Здесь не пахло кофе и бумагой. Здесь пахло раскалённым металлом, соляркой, влажной землёй и потом. Грохот стоял такой, что закладывало уши. Кран медленно разворачивал многометровую балку, рабочие в касках перекрикивались, жестикулировали. Стройка жила своей грубой, первобытной жизнью.

Ева на мгновение растерялась. Она привыкла к тишине чертёжных залов, к точным линиям монитора, к чистоте. Здесь всё было в движении, в грязи, в риске. И это пугало.

Но она взяла себя в руки. Она — архитектор. Она здесь главная. Надела каску, которую сунул ей охранник, и решительно направилась к бытовке с табличкой «Прораб».

Виктор сидел внутри, склонившись над планшетом. Без футболки. Она замерла у входа, не ожидая такого зрелища. Его плечи и спина были покрыты загаром, мышцы перекатывались при каждом движении. Он поднял голову, и она увидела, как его лицо помрачнело.

— Ты, — сказал он, и это прозвучало как приговор.

— Я, — ответила она, стараясь не смотреть на его торс.

— Я хочу увидеть, как идёт заливка фундамента.

Он медленно отложил планшет, поднялся и взял со стула грязную майку, натянул через голову. Его движения были нарочито неторопливыми, как будто он хотел показать, что

его время ценнее её времени.

— Фундамент заливают уже третий день, — сказал он, выходя из бытовки. — Идём. Только не ной, что испачкаешь туфли.

Она пошла за ним, стараясь поспевать. Шпильки то и дело проваливались в песчаный грунт, и она чертыхнулась про себя, но не подала виду. Виктор шёл впереди широкими шагами и даже не оборачивался, проверяя, идёт ли она.

Когда они добрались до котлована, он остановился и указал рукой вниз.

— Смотри. Вот твоя спираль. Если присмотреться, можно увидеть, как арматура закручивается.

Ева перегнулась через ограждение. Внизу, на глубине нескольких метров, копошились рабочие. Бетон медленно заливался по специальным направляющим. Она видела, что чертежи соблюдены — геометрия была идеальной. Внутри неё разлилось тепло. Это работает. Её гениальная схема работает.

— Неплохо, — признала она.

— Неплохо? — он усмехнулся. — Ты хоть знаешь, сколько часов мы потратили, чтобы выставить эти направляющие с точностью до миллиметра? Твоя спираль — это кошмар для любого геодезиста.

Она повернулась к нему. Сейчас он стоял близко, и она видела мелкие морщинки у глаз, седые волоски в бровях, твёрдый подбородок. От него снова пахло потом и металлом, и

этот запах почему-то не отталкивал, а наоборот — заставлял ноздри трепетать.

— Ты справился, — сказала она тихо. — Значит, не такой уж и кошмар.

Он хмыкнул и отвернулся.

— Это только начало. Дальше будет сложнее. И я не хочу видеть тебя здесь.

— А я буду приезжать, — отрезала она.

Он резко повернулся и шагнул к ней так близко, что она невольно отступила назад. Шпилька снова ушла в песок, и она покачнулась. Он мгновенно схватил её за локоть, удерживая от падения. Жёсткая, горячая ладонь обхватила её руку, и на мгновение между ними возникло то самое напряжение, которое она чувствовала тогда, в зале.

Он смотрел вниз, на её ноги.

— Ты вообще не умеешь ходить по земле, — произнёс он с какой-то странной интонацией — в ней слышалось не только издевательство, но и... что-то другое. Забота? Нет, не может быть.

— Я умею ходить там, где нужно, — ответила она, высвобождая руку. — Или ты предлагаешь мне поменять туфли на берцы?

Он усмехнулся, и эта усмешка была уже менее злой.

— Носи свои шпильки. Мне даже нравится смотреть, как ты мучаешься. Довольно забавно.

Он развернулся и пошёл обратно к бытовке, бросив через

плечо:

— Если хочешь посмотреть на строительство — не мешайся под ногами. Стой там, где я скажу. И не трогай ничего. Ясно?

— Ясно, — ответила она, хотя в душе горело желание возразить, что она имеет право трогать всё, что связано с её проектом.

Но она промолчала. Потому что, когда он стоял так близко и держал её за руку, она вдруг перестала думать о бетоне и арматуре. Она думала только о том, как сильно бьётся её сердце.

II

Она приехала на объект в пятый раз за неделю. И каждый раз он встречал её одним и тем же хмурым взглядом, но теперь в нём не было прежней злости — скорее усталая покорность. Он уже привык, что эта женщина в идеальных костюмах будет торчать у него под ногами, сверяя чертежи с реальностью.

Но в этот день погода решила внести свои коррективы.

Ева вышла из машины как раз в тот момент, когда небо разверзлось. Ливень обрушился на стройплощадку с такой силой, что она на мгновение ослепла. Вода залила глаза, размазывая тушь, мгновенно промочила пиджак до нитки. Она попыталась добежать до бытовки, но шпильки скользили по мокрой глине, и она поняла, что сейчас просто рухнет в грязь.

— Стоять! — раздался его голос откуда-то сбоку.

Она не успела понять, что происходит, как её накрыли тёмным брезентом, а сильная рука схватила за талию и буквально затащила под навес строительной вышки.

— Ты совсем дура? — прохрипел Виктор, встряхивая мокрые волосы. Он стоял перед ней — мокрый, злой, с каской набекрень. — Не видишь, что ливень? Зачем ты приехала?

Она вытерла лицо ладонью и посмотрела на него. Сейчас

она выглядела жалко — волосы растрепались, тушь потекла, костюм превратился в мокрую тряпку. Внутри неё поднималась обида. Она так старалась быть профессиональной, а выглядела как нашкодившая девочка.

— Я хотела посмотреть заливку этажа, — выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сегодня критический день, я должна быть здесь.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Потом фыркнул, снял с себя мокрую куртку (которая, впрочем, тоже была мокрой) и с силой накинул ей на плечи. Держа за талию, он проводил ее до бытовки.

— Сиди здесь, — приказал он. — Я сейчас.

Он исчез за завесой дождя и вернулся через минуту с термосом в руках. Внутри он заставил её сесть на стул, сам налил горячий чай и сунул кружку ей в руки.

Ева смотрела на него с изумлением. Этот человек, который вчера орал на рабочего за небрежную сварку, сейчас заваривал ей чай. Неужели он умеет быть... добрым?

Она не заметила, что смотрит на него слишком долго, пока он не поднял голову.

— Что? — спросил он резко. — Чай не нравится?

— Нет, — тихо сказала она. — Ты... не обязан был.

Он сел напротив, снял каску и откинулся на спинку стула. Без каски он казался моложе, хотя седые виски выдавали возраст. Он устало потёр переносицу.

— Слушай, Ева, — сказал он, и впервые назвал её по име-

ни. — Я понимаю, что это твой проект. И я понимаю, что ты хочешь контролировать всё. Но стройка — это не чертёж. Здесь люди могут ошибаться, здесь погода может помешать, здесь всё идёт не по плану. Если ты будешь так переживать, ты сойдёшь с ума раньше, чем мы достроим третий этаж.

Она хотела возразить, но закрыла рот. Потому что он говорил правду. Каждую ночь она не спала, думая о том, что где-то могли сэкономить на арматуре или нарушить угол. Она не доверяла никому, даже ему.

— Я не могу иначе, — призналась она тихо. — Всю жизнь я доказывала, что способна на что-то большее, чем маленькие домики. А теперь, когда у меня есть этот шанс... я боюсь, что всё рухнет. И не потому, что я ошиблась в расчётах, а потому что кто-то решит, что это неважно.

Виктор смотрел на неё в упор. В его взгляде промелькнуло что-то — не жалость, нет, скорее понимание.

— Твой отец — Сергей Петровский, да? Тот самый, который построил полгорода?

Она кивнула, чувствуя, как краснеет.

— Я знаю его, — сказал Виктор. — Мы работали с ним лет десять назад. Он не принимал ничьих советов. Требовал, чтобы всё было по его чертежам, даже если это было невозможно. Я тогда с ним разругался и ушёл с объекта.

Она замерла. Она знала эту историю — отец часто рассказывал, как один упрямый прораб отказался работать, потому что не мог воплотить его замысел.

— Так это был ты? — выдохнула она.

Он усмехнулся — той самой кривой усмешкой, от которой у неё мурашки по коже.

— Да, я. И знаешь, я тогда понял одну вещь. Твой отец был талантлив, но он был тираном. Он не давал своим людям дышать. И я поклялся, что больше никогда не буду работать с архитекторами, которые считают себя богами.

Ева почувствовала, как внутри всё сжалось. Вот оно — его истинное отношение к ней. Он видел в ней отражение отца, его заносчивость, его требовательность.

— Я не он, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я не требую невозможного. Я прошу только того, что могу доказать расчётами. Я приезжаю сюда не для того, чтобы тобой командовать. Я приезжаю, чтобы учиться.

Он удивлённо поднял бровь. Похоже, такого ответа он не ожидал.

— Учиться? — переспросил он. — Чему?

— Тому, как все выглядит в реальности, а не на бумаге. Тому, как люди строят. Тому, как ты управляешь этим хаосом. — Она обвела рукой вокруг, имея в виду площадку. — Я всё это время жила в бумажном мире. Мне нужно увидеть настоящую жизнь.

Он молчал долго. Дождь барабанил по крыше бытовки, создавая уютную изоляцию. Они сидели друг напротив друга, разделённые только столом, но между ними словно возникло что-то новое — хрупкое, непонятное.

Наконец он сказал:

— Ладно. Учись. Но если ещё раз приедешь в таких туфлях в ливень — я выгоню тебя с площадки. Поняла?

Она улыбнулась. Впервые за всё время — искренне, без напряжения.

— Поняла.

Он протянул руку и смахнул с её щеки размазанную тушь. Жест был быстрым, почти неуловимым. Его шершавые пальцы коснулись её кожи. Внутри что-то дрогнуло.

Он отдернул руку, будто обжёгся, и резко встал.

— Чай допивай. Я пошёл проверять обходные пути, чтобы нас не затопило.

Он вышел, оставив её одну. Ева обхватила кружку ладонями и прижала к груди. Он был грубым, резким и непробиваемым. Но она только что увидела в нём то, что прятал под слоем бетона и цинизма. Человека, который умеет заботиться. Который помнит обиды, но умеет прощать.

Она закрыла глаза и позволила себе на мгновение представить, как бы это было — если бы он остался. Если бы он подошёл ближе. Если бы его руки коснулись её не для того, чтобы смахнуть тушь, а для чего-то другого.

Она открыла глаза и отогнала эту мысль. Это просто стройка. Просто работа. Просто мужчина с тяжёлым характером.

Но почему-то она уже знала, что завтра придет снова. И послезавтра. И в любой дождь.

Она приезжала каждый день. Это стало ритуалом, от которого она не могла отказаться, даже когда в офисе накапливались горы бумаг. Ева ловила себя на том, что просыпается утром с мыслью: «*Сегодня я снова увижу его*». Она запрещала себе это чувство, называла его профессиональным интересом, но каждый раз, когда её машина подъезжала к въезду на площадку, сердце билось быстрее.

Она стала одеваться иначе. Костюмы остались строгими, но теперь она выбирала более практичные туфли. Она приносила с собой блокнот и часами стояла в стороне, делая пометки, но на самом деле она смотрела на него.

Виктор не замечал этого — или делал вид, что не замечает. Он носился по объекту, как вихрь: отдавал команды рабочим, проверял сварные швы, ругался с поставщиками, спорил с геодезистами. Он был везде одновременно. Ева видела, как его руки — эти грубые, мозолистые руки — касались металла с невероятной нежностью, будто он проверял пульс своего стального пациента. Она видела, как он наклонялся к чертежам, и на его висках проступала седина, которую он никогда не закрашивал. Она видела, как он пил кофе из грязной кружки и как хмурился, когда что-то шло не по плану.

И в какой-то момент она поняла, что знает его привычки лучше, чем свои собственные.

Он приезжал на площадку рано утром. Первым делом обходил весь объект — от фундамента до последней балки, —

проверяя, что никто не напортачил за ночь. В восемь он завтракал прямо в бытовке, обычно бутербродами, которые ему приносила пожилая уборщица. В полдень он злился больше всего — солнце стояло в зените, и бетон нагревался так, что даже через перчатки жгло руки. После обеда он становился чуть спокойнее, особенно если заливка шла по графику. А ближе к вечеру, когда бригады начинали сворачиваться, он оставался один и просто стоял в центре будущего здания, глядя на небо.

Она подглядела это случайно. Задержалась в какой-то вечер допоздна, делая вид, что изучает арматурные каркасы, а на самом деле ждала, когда он уйдёт. Но он не уходил. Он стоял посреди площадки, в каске на затылке, и смотрел на закат. Солнце окрашивало его лицо в тёплый золотой свет, делая его почти красивым.

Она замерла, прячась за бетонным блоком. Что он там видит? О чём думает? Он выглядел таким... одиноким.

Она хотела подойти. Задать вопрос. Сказать что-то, что разорвёт эту тишину. Но вместо этого она развернулась и ушла, потому что боялась нарушить момент, который ей не принадлежал.

Виктор не признавался себе в этом, но он ждал её.

Каждый день, если он слышал звук её машины — лёгкий, не похожий на грузовики и автобусы, — внутри него что-то ёкало. Он ругал себя за это, называл это слабостью, дурью. Она же архитектор, контролёр, который лезет в его дела. Но

когда он видел её тонкую фигуру, осторожно ступающую по неровному грунту, когда ловил взгляд её зелёных глаз, — его раздражение куда-то исчезало.

Он замечал, что она переобулась. На неё были туфли на устойчивом каблуке — не такие дурацкие, как раньше. Она даже купила лёгкую куртку, чтобы не мёрзнуть в ветреные дни. Он замечал, как она смотрит на него, когда думает, что он не видит. И в эти моменты ему хотелось подойти к ней, взять за руку и сказать: *«Хватит прятаться, я же вижу»*.

Но он молчал. Он не умел быть мягким. Вся его жизнь была построена на том, чтобы держать дистанцию. Особенно с женщинами. После развода он поклялся больше никогда не позволять кому-то забираться к нему в душу. Бывшая жена, Катя, сделала это мастерски — сначала влюбила, потом разбила. Сказала, что он слишком холодный, что он никогда не был рядом, что работа всегда на первом месте. И ушла к другому. Без детей. Без сожалений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.